КАК Я ПОШЕЛ СРАЖАТЬСЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

В 1917 году мне было двадцать лет.

Двадцать лет — это светлая юность, заря жизни. Однако я не чувствовал себя молодым и тем более юным. За плечами я уже и тогда нес тяжелый груз: два года войны, брошенный университет, ранение, удушливые газы.

К тому же выяснилось, что я не имел никакой профессии.

На юридический факультет университета мне не хотелось возвращаться. О литературе я тогда не помышлял. И поэтому стал подыскивать какое-нибудь занятие, созвучное моей душе.

Но, кроме военного дела, я ничего не знал и по этой причине поступил в пограничную охрану. В пограничном отряде Финляндского района я пробыл полгода в должности старшего телефониста.

Однако профессия телефониста меня не прельстила, и я подал рапорт об увольнении. Врачебная комиссия об-

наружила у меня порок сердца. Я был уволен с военной службы и снят с воинского учета.

Признаюсь: я был доволен таким исходом, ибо после двухлетнего фронтового опыта считал войну варварским делом, пригодным, быть может, минувшим столетиям.

И вот я снова стал подыскивать подходящую работу. В разгар моих поисков пришло письмецо от моей старшей сестры Елены. В то время она проживала в Смоленской губернии — в имении родителей ее мужа, погибшего на войне. Родители эти, устрашенные первым громом революции, отбыли в Смоленск, а сестра моя осталась в деревне, поступив конторщицей в только что организованный совхоз. В своем письме сестра звала меня приехать в этот совхоз на должность птицевода.

За двадцать лет моей жизни я присматривался к птицам только лишь за обеденным столом, но в ту пору мне показалось, что быть птицеводом в деревенской глуши — это именно то, к чему стремится моя душа.

В конце сентября 1918 года я поехал к сестре, прихватив с собой несколько тощих брошюр по птицеводству.

Совхоз был расположен в барском имении на Днепре. В обширном помещичьем доме помещалась контора, и там же, в высоких ободранных комнатах, обитали служащие и директор совхоза.

За три дня пути я прочитал брошюры по птицеводству и теперь жаждал на практике применить мои сомнительные знания. Однако оказалось, что даже и эти знания тут были как бы излишни. В совхозе всего было три десятка кур и несколько уток. Причем каждую неделю служащие совхоза получали на паек по полкуры взамен жиров и мясных продуктов. Вдобавок директор (как мне сказали) съедал не менее четырех кур в месяц.

Я подсчитал на бумаге общую убыль и с грустью увидел, что из всего моего птичьего богатства вскоре останется один птицевод, коего несомненно уволят как излишний балласт.

Сестра моя, желая отвлечь меня от горестных подсчетов, радостным тоном сообщила, что в ближайшее воскресенье мы с ней приглашены на обед к местной по-

мещице Ольге Павловие, которая проживает сейчас в соседней деревне, где она снимает дом у мужика.

Увидев мое удивление, сестра, засмеявшись, сказала:

— Так ведь никто из здешних помещиков далеко не уехал от своих усадеб. Все оии живут в крестьянских избах. Ожидают, что большевистский режим вот-вот рухнет.

Я ии разу в жизни не видел помещиков, и мне вдруг захотелось (хотя бы и с запозданием) взглянуть на эту категорию людей, отмененную новым строем. И поэтому в ближайшее воскресенье я охотно пошел с сестрой иа обед.

По дороге в деревню мы встретили большую группу крестьян. Все они были в лаптях и нищенски одеты. Увидев нас, они остаиовились и, быстро содрав шапки, низко, почти в пояс поклонились нам.

Может быть, они приняли меня за какую-нибудь важную персону? Нет, сестра разуверила меня в этом. Она сказала, что здесь принято так здороваться с господами.

Возле деревни произошла еще одна встреча с крестьянами. Видимо, шла семья. Впереди шествовала девчоночка лет семи. За ней — родители. И рядом плелся старик, шаркая рваными валенками. Родители же и девчоночка были в лаптях и каком-то тряпье.

Эта крестьянская семья поклонилась нам еще более подобострастно. Причем девчоночка замешкалась с поклоном и только после материнского шлепка низко склоиила свою головенку.

Я подошел к крестьянам. И вдруг на их лицах явственно увидел смятение, робость и даже страх. Я сказал, что я всего лишь простой работник совхоза и ие дело так раболепно кланяться мне только потому, что я ношу господский костюм.

Крестьяне понуро слушали меня. А старик, увидев, что я чем-то недоволен, торопливо сказал, приложившись губами к моей руке:

— Уж ты не гневайся, бариң, на серых мужиков.

Я отшатнулся от старика. Крикнул:

— А вам, дедушка, совестно так поступать. Вот уже скоро год власть у рабочих и крестьян, а вы все еще лижете руки!

Старик, надев шапку, ответил:

— Не спорю, убрали господ с ихней земли. Живут они нынче по нашим избам. Да только кто его знает, как оно дальше будет получаться.

С досадой и раздраженный я направился с сестрой к деревне. И вскоре мы с ней подошли к высоким воротам, недавно окрашенным.

Во дворе у жаровни стоял повар в белом переднике. Он жарил на сковородке цыплят. Какая-то челядь суетливо носилась с тарелками и подносами.

Черная лохматая собачонка с пышным голубым бантом лениво затявкала, когда мы с сестрой поднялись на крыльцо.

Большая горница крестьянской избы была по-господски убрана. Пахло духами и мятой. На стенах висели ковры. В углу — пианино красного дерева. На подоконниках и на полу в изобилии стояли горшки и кадушки с комнатными цветами.

Грузная хозяйка полулежала на диване с томиком Блока в руках. Рядом в кресле сидел облезлого вида господин с длинными повисшими усами. Он был в высоких русских сапогах, но в смокинге, в петлице которого красовалась белая астра.

Хозяйка с преувеличенной радостью встретила нас. Тотчас велено было подавать к столу.

За обедом меня расспрашивали о петроградских новостях. Однако досада моя все еще не прошла, и я отвечал вяло, неохотно. Облезлый господин, слушая меня, не постеснялся зевнуть. Не докушав цыпленка, он ленивой походочкой подошел к пианино и стал наигрывать мазурки Шопена.

Под негромкую музыку хозяйка принялась рассказывать нам о скором и неминуемом крахе большевиков. Ее сведения на этот счет были весьма обширные. Так, например, о сельском хозяйстве она, едко засмеявшись, сказала:

— Допустим, господа, взять хотя бы их последние новинки — совхозы. Уж на что, кажется, мужицкое дело! Но и оно не налаживается у них. Крестьяне не желают там работать. А без мужиков, господа, у них ничего не получится. Уж вы поверьте моему опыту.

После обеда мы сели играть в преферанс. Хозяйке везло, и она, открыв «десять червей», бурно воскликнула, возбужденная успехом и своими победоносными обеденными речами:

— Всю жизнь, господа, меня сопровождали удачи! И я уверена, что мне вскоре вернут мое имение!

Тасуя карты, она мечтательно заговорила:

— Вот вернут мою усадьбу... Я приглашу двух-трех жандармов и в их присутствии немного попорю тех мужиков, которые нынче работают на моей земле... И тогда все у меня пойдет по-старому...

— Только лишь попорете?— спросил облезлый помещик, приглаживая свои длинные усы.— Э, нет, добрейшая Ольга Павловна, порка в данном случае неубедительна! Нескольких мужиков (знаю кого) я своей властью попросту вздерну на деревьях моего сада. И поверьте мне — государство станет благодарить меня за то, что я утихомирю свой район.

Я бросил карты. Встал. И, запинаясь от волнения, сказал:

— Это подло и низко так говорить. И не менее подло, что вы довели своих крестьян до такого унизительного состояния. Но это, как вижу я, не мешает вам музицировать и нежно любить цветы, стихи и собак!

Хозяйка, растерявшись, надменно заахала. Помещик с длинными усами, сдержав ярость, сказал мне издевательским тоном:

— Да будет вам известно, ваше благородие, что я гуманнейший человек. Помимо того, у меня высшее образование. Приняв в свое время усадьбу, я как родной отец подошел к мужикам. Постоянно предоставлял им работу на моих полях, платил им чуть ли не за каждый шаг. И что получил в ответ? Они же начали хамить мне, фамильярничать со мной. И я воочию увидел, что они еще

не способны на высокие чувства. Наглядно убедился, что им нужна палка. И тогда, извините, ваше благородие, я резко изменил свою тактику...

Не дослушав помещика, я вышел из комнаты, буркнув в дверях: «Прощайте...»

Волнение душило меня. Я долго ходил по деревенской улице. Потом неожиданно зашел в какую-то избу.

Большая крестьянская семья, собравшись вокруг стола, хлебала какое-то варево из общей миски.

Нет, не бедность и нищета поразили меня в этой избе. Меня снова поразили поясные поклоны, смиренные опущенные взоры и раболепные слова.

Я обошел еще несколько изб. Всюду лежала чугунная тень прошлой жизни. Всюду еще таился страшный мир.

Что же в таком случае было раньше? Недавно? Что же было всего шестьдесят лет назад — когда на базарах продавали крестьян?

Смутное представление у меня было в ту пору о Советской власти. Буржуазная печать в 1917 году на все голоса кричала, что большевики сметут с лица земли культуру и цивилизацию. Эта буржуазная пропаганда туманила некоторые головы молодежи моей среды и вызывала недоверие к новой власти.

И вот, шагая по деревенской улице, я вдруг отчетливо, но все же робко подумал: «Нет, это правильная власть, если она хочет уничтожить вековое рабство. Правильная власть для страны, где притаились господа, которые ждут не дождутся, чтобы снова надеть хомут на шею русского мужика».

Эти мысли несколько успокоили меня, и я вернулся домой. Сестра уже поджидала меня. Она не сердясь, но с усмешкой сказала:

— Теперь, Минька, вряд ли кто-нибудь пригласит тебя в гости. Правда, я им сказала, что ты нервный, контуженый. Но так и не смогла сменить их гнев на милость. Впрочем, плевать на них. Мы будем играть в преферанс у одного моего знакомого агронома.

Я извинился перед сестрой за свою несдержанность и тут же сказал ей, что завтра с первым пароходом я уезжаю в Смоленск и оттуда в Петроград.

Сестра стала просить меня, чтобы я остался. Она сказала, что если я не захочу работать птицеводом, то она легко устроит меня счетоводом на базу. Однако я твердо решил уехать.

По приезде в Петроград я пошел в Главный штаб и подал заявление о моем желании вступить а Красную Армию.

Начальник штаба долго листал мои документы. И я ожидал, что он скажет мне что-нибудь о моем дворянском происхождении либо прочтет какое-нибудь поучение. Но он ничего не сказал. Он только спросил меня:

— А на какую должность вы рассчитываете? По вашим бумагам я вижу, что вы были на фронте адъютантом Мингрельского полка, а перед этим командоаали ротой и батальоном.

Я отаетил, что аозьму любую должность, но мне не хотелось бы торчать а казармах, я предпочел бы действующую армию.

Начальник штаба сказал:

— На этих днях мы отпрааляем на фронт Пераый Образцовый полк Деревенской Бедноты. Полк уже укомплектован, но там нет адъютанта. Если желаете, мы дадим вам это назначение.

Я согласился. Я порадовался, что аместе с деревенской беднотой буду сражаться протиа власти помещиков.

Через несколько дней вместе с полком я прибыл а Ямбург, чтобы занять позиции против белогаардейских отрядов Булак-Булаховича.

Эта подлинная история из моей жизни произошла сорок лет назад. И вот теперь, вспоминая столь давно минувшее, я совсем явственно вижу покорно склоненные головы крестьян, вижу их лапти и какие-то их допотопные залатанные кафтаны из грубой домотканой материи.

Да, конечно, я и тогда слышал и знал, что крестьяне не асюду смиренно кланяются а пояс и не всюду и не всегда покорно склоняют саои головы. Иной раз они

поджигают барские усадьбы и рассчитываются за свои беды и унижения.

Но то, что я увидел в тот год на Смоленщине,— это врезалось в мою память как страшный символ помещичьей власти.

Нет, молодому читателю сейчас даже трудно представить себе — в какой кабале и в какой темноте и бедности находились многие и многие наши крестьяне всего лишь сорок лет назад!

Об этом полезно напомнить тем забывчивым людям, которые иной раз брюзжат или чем-нибудь недовольны.

<1957>